

Я буду резок, буду краток,
Поскольку времени в обрез.
Один у смертного порядок:
Родился — мучился — исчез.

Сыграл, как говорится, в ящик,
Пополнил бездыханный строй,
Неважно, член руководящий,
Бродяга-нищий иль герой.

Немногим Бог дает отсрочку,
Хоть Пушкин будь ты, хоть дурак,
Один схлопочет в бок заточку,
Других сожрет проклятый рак.

Все станем рано или поздно
Добычей пасти земляной:
Палач и жертва, деспот Грозный...
Всему там имя — перегной.

Я жил в преодоление страха.
Эпоха жуткая была.
Но жизнь, встающая из праха,
Среди расстрельных ям цвела.

Протуберанцами зари
Роня перья, пух и кровь,
В жестоких схватках глухари
Платили жизнью за любовь.

А в десяти шагах от них
Глухарок женский коллектив
Из чащи сонно наблюдал,
Как глухаря глухарь клевал.

Самцы сражаются за самок —
Красоток первых среди птиц.
Как жаль, что их, прекрасных самых,
Ждут когти волка и лисиц.

Грызня за самок — это мы,
Питомцы первобытной тьмы.
По сути, те же глухари.
Уйми нас, Бог, и примири.

* * *

Тмутаракань, не видно лиц.
Ни изб, ни мазанок, ни юрты.
Сквозь дыры мертвые глазниц
Ныряют в череп каракурты.

Вот вылез некто пучеглаз —
Геккон, убийца таракашек.
Я прогонял его не раз.
Глядишь, а рядом новый пляшет.

Нет, не всегда тут был пустырь.
Цвел сад, качались коромысла...
Плывут пески полупустынь
И кара-кумы мертвых смыслов.

Их властный ход невыносим.
Над ними — стрекот инженерный,
Как винтокрылый серафим
Воздухоплавательной эры.

Запас провизии иссяк,
А винтокрылый не садится.
Шакаля сука на сносях
Пугает брехом хищну птицу.

Текут века над целиной,
И саксаул в степи хромает;

Преображается с весной,
Но с каждым летом умирает.

Пески засыпали арык,
И жизни нет, а так — поминки.
Киргиз и друг степей калмык
Ишачат на московском рынке.

* * *

Если прожита жизнь в неволе,
Значит, здесь не в чести любовь.
Я бы стиснул зубы от боли,
Только нет у меня зубов.

И утратил зренье к тому же,
Уходя от беды без дорог.
Все оставил сибирской стуже.
Оттого и скорбен итог.

От того и печальны строки,
Что глазами их не прочту.
И всплывут то братские стройки,
То конвой в ледяном порту.

А вчера хоронил я друга,
С кем сплавливались по Чусовой.
И пропела Сибирская вьюга
Нам обоим «за упокой»...

* * *

Тоска приходит без причины.
Чем подслащу свою кончину?
В затылок дышит мне кирдык,
Поскольку вынесен вердикт.

Души усталой новоселье —
Не лучший повод для веселья.
Что ждет ее на ПМЖ
На поднебесном этаже?

А плоть — б/у с большим пробегом —
Кормежкой станет короодам.
Душа займется скучным делом —
С небес присматривать за телом.

И будут чертыхаться черти:
Неймется ей и после смерти!

Здесь не бывает гид, но в изобилие гад,
Оводы, пауты...
А вездесущий гнус
Вкруг головы сгущается в зыбкий чад,
Пробует, какова кровь у тебя на вкус.

Пьяный от комарья, ты замечаешь всех:
Эту вот, что свилась на бугорке кольцом,
Или того, кто жалом пронзил доспех,
Или вот этих, пляшущих над лицом.

Змеи боятся нас, любят нейтралитет,
В пику опасным нам предпочитают глушь,
Воспринимают нас как несусветный бред,
Даже если змея — и не змея, а уж.

Прет сквозь зеленый шум всякое естество.
Жалко, не взяли семечек — в них плевать.
Как им сказать, назойливым, чтоб дошло?
Только змею не трогает злая рать.

Полоз скользнет во мху — и исчезаетмышь.
Жабке либо птенцу тоже несдобровать.
Лопают все друг друга, и ты грешишь.
Только вот нам Природу не прожевать...